

АНДРЕЙ КУНАРЕВ

Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Факультет русской филологии
Кафедра методики преподавания русского языка и литературы
105005, г. Москва
ул. Радио, д. 10А
kaf-mrlit@mgou.ru

ГРОМКОГОЛОСЫЙ ГРАФ

THE VOCIFEROUS COUNT

В статье рассматриваются художественные особенности эпиграммы А. С. Пушкина на Ф. И. Толстого-Американца «Певец Давид был ростом мал...» (1822), уточняются и проясняются ее некоторые смысловые нюансы.

Ключевые слова: Ф. И. Толстой-Американец, эпиграмма, библейские реминисценции.

The article considers the artistic idea and devices of Alexander Pushkin's epigram on Fyodor Tolstoy "the American", entitled "David the Singer was short..." (1822). Some semantic nuances are explained and clarified.

Keywords: Fyodor Tolstoy "the American", epigram, biblical allusions.

Адресатом пушкинского экспромта «Певец Давид был ростом мал...» (около 1 сентября 1822 г.) долгое время считался одесский начальник Пушкина граф М. С. Воронцов. Не так давно С. А. Фомичев убедительно доказал, что эпиграмма целила в графа Федора Ивановича Толстого по прозвищу Американец¹. Вот она:

Певец Давид был ростом мал
Но повалил же Голиафа
Кот<орый> б<сгал> и крич<ал>
И поклянись не гро<мче> Гр<афа>².

¹ См.: С. А. Фомичев, *Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...»*: (Текст, датировка, сатирическая направленность), [в:] *Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис.*, Санкт-Петербург: Наука 1995, вып. 26, с. 78–86.

² Привожу эпиграмму в расшифровке С. А. Фомичева: С. А. Фомичев, *Эпиграмма...*, с. 83.

Выводы С. А. Фомичева можно подкрепить дополнительными соображениями – возможно, и подразумевавшимися исследователем, но не высказанными напрямую. В частности, это касается процитированных С. А. Фомичевым фрагментов 17 главы 1-ой книги Царств – ст. 4, 8, 16, 48, 49³. Эта выборка, однако, нуждается в расширении и уточнении, например, следующим образом:

⁴ И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он шести локтей и пяди.

⁸ И стал [он] и кричал к полкам Израильским, говоря им: зачем вышли вы воевать? Не Филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне;

⁹ если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам.

¹⁰ И услышали Саул и все Израильяне эти слова Филистимлянина, и очень испугались и ужаснулись.

²⁸ И услышал Елиав, старший брат Давида, что говорил он с людьми, и рассердился Елиав на Давида и сказал: [...] Я знаю высокомерие твое и дурное сердце твое, ты пришел посмотреть на сражение.

²⁹ И сказал Давид: что же я сделал? не слова ли это?

³³ И сказал Саул Давиду: не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей.

³⁸ И одел Саул Давида в свои одежды, и возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню.

³⁹ И опоясался Давид мечом его сверх одежды и начал ходить, ибо не привык „К Такому Вооружению”; потом сказал Давид Саулу: я не могу ходить в этом, я не привык. И снял Давид все это с себя.

⁴⁰ И взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против Филистимлянина.

⁴² И взглянул Филистимлянин и, увидев Давида, с презрением посмотрел на него, ибо он был молод, белокур и красив лицом.

⁴³ И сказал Филистимлянин Давиду: что ты идешь на меня с палкою? разве я собака? И проклял Филистимлянин Давида своими богами.

⁴⁷ <Давид отвечал Филистимлянину> узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши.

⁴⁹ И опустил Давид руку свою в сумку и взял оттуда камень, и бросил из пращи и поразил Филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю.

⁵⁰ Так одолел Давид Филистимлянина пращею и камнем, и поразил Филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида.

Смысл подобного расширения цитации библейского текста станет вполне понятен, если обратиться к хорошо известному письму Пушкина П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г.:

³ Там же, с. 79–80.

Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого, мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было «не» заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему по «ка» за «слось» «забавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к «нзя» Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей – в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля⁴.

Нетрудно заметить, что оба – и псалмопевец, и кишиневский изгнанник – поступают, поражая врага «не мечом и копьем **не по правилам**», но *издали*, один – камнем, другой – «журнальной **грязью**» [здесь и далее полужирный шрифт мой – А. К.]. Необычность выбранного Давидом вооружения настойчиво подчеркивается в библейском тексте (ср. ст.: 39; 43 40; 47; 50). Палке (посоху) в руках библейского героя, которую великан Голиаф счел особенно оскорбительным («что ты идешь на меня **с палкою? разве я собака?**»), соответствует пушкинский «бич сатиры» [бичом усмиряется скот – ср.: «Наследство их [народных стад – А. К.] из рода в роды / *Ярмо* с гремушками да *бич*» («Свободы сеятель пустынный...», 1823)] / «**тяжелый пасквиль**». Стоит обратить внимание на окончание стиха 50: «**меча же не было** в руках Давида», – с которым, возможно, соотносится и пушкинская метафора «**меч законов**» (что, разумеется, ни в коей мере не отменяет соотнесенности с общеизвестным атрибутом богини правосудия Фемиды).

Пушкин воздержался от искушения поделиться со старшим другом новой эпиграммой на Американца, однако свое письмо насыщает библейскими реминисценциями и аллюзиями на ветхозаветную историю. Вот еще одна любопытная параллель:

<p>1-ая книга Царств (17)</p> <p>²⁸ И услышал Елиав, старший брат Давида, что говорил он с людьми, и рассердился Елиав на Давида и сказал: [...] Я знаю высокомерие твое и дурное сердце твое...²⁹ И сказал Давид: что же я сделал? не слова ли это?</p>	<p>Письмо П. А. Вяземскому (01.09.1822)</p> <p>Ты упрекаешь меня в том, что из Кишинева, под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. [...] Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на графа Толстого не есть малодушие.</p>
--	--

⁴ Письмо также цитируется [в:] С. А. Фомичев, *Эпиграмма...*, с. 84.

Обратим внимание на особенности пушкинского словоупотребления. Речь идет о глаголе **очиститься**. Использованный в переносном значении, он является уникальным в лексиконе поэта. Составители *Словаря языка Пушкина*, толкующие лексему как ‘снять с себя что-н. позорящее, чернящее’, правы не до конца, поскольку не учли его библейской коннотации, которая в данном случае представляется определяющей⁵. Цель ветхозаветных установлений о чистоте/нечистоте – отделение народа Божьего от язычников. Ср., например, «Царь сел на своем месте [...] место же Давида осталось праздным. И не сказал Саул в тот день ничего, ибо подумал, что это случайность, что Давид нечист, не очистился» (1 Цар. 20: 25–26). Очищение производилось посредством специальных строго регламентированных ритуальных действий.

Пушкин, конечно же, имеет в виду **очищение чести** посредством поединка, т. е. по сути своей ритуального действия, недаром же он и кощунствует, называя «мщение одной из первых христианских добродетелей»⁶ и, таким образом, переводя разговор в квазирелигиозную плоскость: он, «христианин», должен очиститься от прикосновения к «нечистому»⁷, «язычнику» (на то он и Американец, **алеут**, по слову Грибоедова!), а то и «животному»⁸. (Этот языческий мотив прозвучит и в XI строфе 6 главы *Евгения Онегина*: «И вот общественное мненье! Пружина чести, **наш кумир!**»).

В связи с этим отметим неожиданное для частного письма официальное именование недруга – **граф** Толстой, – которого Пушкин только что называл просто по фамилии. По всей вероятности, автор письма рассчитывал на то, что письмо будет показано (прочитано или дословно пересказано) корреспондентом заинтересованному лицу. Об этой скрытой установке, на мой взгляд, свидетельствует и отточенный, строгий, лишенный свойственной дружескому письму шутливости стиль⁹. Пожалуй,

⁵ Библейский колорит письма (и, возможно, в определенной степени пушкинского мировосприятия этого периода) может быть обусловлен только что окончившейся работой над *Гавриилиадой*, список которой поэт приложил к письму Вяземскому.

⁶ Пожалуй, это предельно вольное истолкование знаменитого «Мне отмщение, Аз воздам». Пушкин намеренно отсекает именно христианский императив смирения и любви, звучащий в послании апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19). Апостол ссылается на Второзаконие: «У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них» (Втор. 32:35).

⁷ Трудно сказать наверняка, известен ли был Пушкину распространявшийся самим Толстым анекдот о том, что он (Американец) съел свою любимую обезьяну. В *Ветхом завете* обезьяна не входит в перечень запретных к поеданию животных, однако с точки зрения русского человека, она, безусловно, к пище непригодна по определению.

⁸ Нечистыми считались пресмыкающиеся, в первую очередь **змеи**. Однако в данном случае логичнее было бы вспомнить обиду Голиафа на Давида, вышедшего на него с палкой, как на **собаку**.

⁹ За исключением «толстовского» фрагмента письмо написано именно так: неприужденно, легко, как бы играючи.

расчет на постороннего читателя (слушателя) – а именно Ф. И. Толстого – стал одной из причин отказа от помещения в письмо новой эпиграммы (одной из, но не главной). Недаром Пушкин заканчивает недвусмысленным намеком: «... я свое дело сделал и **с Толстым на бумаге более связываться не хочу**. Я бы мог оправдаться перед тобой сильнее и яснее, но уважаю твои связи с *человеком, который так мало на тебя походит*». Звучит **вызывающе...**

Забегая вперед, замечу: Пушкин не выполнил своего обещания (выданного за нежелание) не связываться более со своим противником «на бумаге» и таки повалит «воина от юности своей» «лицем на землю», однако оставит в живых:

[...] в сраженье
 Раз в настоящем упоенье
 Он отличился, смело **в грязь**
 С коня калмыцкого **свалясь**,
 Как зюзя пьяный, и французам
 Достался в плен: драгой залог!
 Новейший Регул, чести бог¹⁰,
 Готовый вновь предаться узам... (б, V).

Зарецкий, конечно же, не Толстой, но, как видим, **журнальная грязь** обратилась в реальную, точнее, романную...¹¹.

Вернемся, однако, к «библейской» эпиграмме. Как это и предписано законами жанра, она состоит из двух частей: «узла» (завязки) и развязки (point)¹², которая должна содержать соль насмешки. Должна. Однако читатель «Певца Давида...» не может не почувствовать недоумения: что, собственно, осмеивает автор? Не мощь или воинскую сноровку противника, но громкость его **крика**, которою он равен (если не превосходит!) легендарному великану. Причем качеству этому придается настолько важное значение, что автор готов в этом поклясться. Голиаф, как мы помним, требовал от израильтян выставить из своих рядов поединщика

¹⁰ Еще один «языческий» знак.

¹¹ О дополнительных смысловых нюансах образа Зарецкого, связанных с «дуэльной историей» Пушкина и Американца, см.: А. А. Кунарев, «Честный демон алеута», [в:] «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...». Материалы международной конференции 7–9 октября 2015 г. Хмелитский сборник. Выпуск 17. Вязьма-Хмелита 2016, с. 166–191.

¹² «Две части составляют новейшую эпиграмму. Одна заключает предложение предмета или вещи, произведшей мысль; другая – самую мысль, или, так сказать, острое слово, что вместе можно назвать, как и в других поэмах, узлом и развязкою. Предложение должно быть просто, ясно и представлено с легкостью; должно возбудить внимание и любопытство читателя; а острая мысль чем кратче будет выражена, тем лучше», – писал Н. Ф. Остолопов Н. Ф. в статье *Из словаря древняя и новья поэзии, составленного Н. Остолоповым*. Цит. по: М. И. Гиллельсон, *О русской эпиграмме*, [в:] *Русская эпиграмма (XVIII – начало XX в.)*, вступ. ст. М. И. Гиллельсона, сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан, Ленинград: Советский писатель 1988, с. 16.

и нагнал на них страх и ужас не мощью голоса¹³, но словами, **контентом**, как принято сегодня говорить. А вот о содержании криков Графа эпиграмма умалчивает и уж тем более ничего не сообщает о вызове.

Что это, недосмотр Пушкина, приписавшего своему противнику несвойственное ему поведение? Но в таком случае объект насмешки становится неузнаваемым, эпиграмма превращается в бой с тенью, беззубую и бессмысленную выдумку, неспособную претендовать даже на то, чтобы называться клеветой. Никакого недосмотра, конечно же, нет. В первую очередь об этом свидетельствует характер записи экспромта:

Пушкин быстро и без помарок [...] записывает текст эпиграммы, которая, очевидно, сложилась мигом, в момент отвлечения от трудно складывавшегося основного текста [*Бахчисарайского фонтана* – А. К.] (обычно в таких случаях поэт начинал рисовать, но здесь сложный ассоциативный ход поэтической мысли нашел иное, более парадоксальное выражение). На первый взгляд, перед нами беловой текст эпиграммы. Но такое впечатление обманчиво. Это, безусловно, первоначальный (а отнюдь не переписанный заново, с предварительного черновика) текст «для себя», зафиксированный настолько стремительно, что к концу своему лишь обозначен начальными буквами слов с росчерками¹⁴.

По всему выходит, поэт боялся упустить внезапно – по вдохновению – пришедшие строки. Я недаром вспомнил о вдохновении. Пушкин определял его как «расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно, к **быстрому соображению понятий**, что и способствует **объяснению оных**» (*Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»*, 1825–1826). «Соображение понятий» в эпиграмме налицо: Голиаф — Граф, «певец Давид» – певец Пушкин (подразумеваемый); крик Голиафа – крик Графа. Что же с «объяснением»?

Объяснение, думаю, подсказывает все то же письмо Вяземскому. Перед тем как объявить об окончании «бумажной» перепалки с Толстым, Пушкин сообщает о дошедших до него слухах: «Сказывают, что **он написал на меня что-то ужасное**. Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ними заодно, и это меня бесит». Кажется, все встает на свои места. Вот он **крик**, долженствующий вселить ужас в сердце противника. И крик этот рассчитан на то, чтобы быть услышанным не просто окружающими, но всем обществом – посредством публикации в журнале, куда Толстой, конечно же, лично занес свое творение. Такая «громкость» не под силу даже десятку Голиафов. Но **что именно** кричалось, Пушкину точно известно не было. А кроме того, поскольку ответ Толстого не был предан печатному станку, крик как таковой не состоялся – остались только слухи,

¹³ Это свойство Стентора, героя не иудейского, а эллинского эпоса – «мощного, медноглогого мужа, так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие» (*Илиада*, Песнь пятая, с. 785–786; пер. Н. И. Гнедича).

¹⁴ С. А. Фомичев, *Эпиграмма...*, с. 82.

шепот, хохотня... Поэтому Пушкин и не стал дорабатывать свою эпиграмму: слишком зыбким, неосязаемым оказался предмет осмеяния, смысл ее по-настоящему оставался внятн лишь самому автору. Однако о попытке Американца выйти к поэтическому барьеру не забыл. Во всяком случае отзвук этой истории слышится в неожиданном сравнении Зарецкого с Горацием: «капусту садит, *как Гораций*» (6, VII).

«Гораций», удалившись после участия в гражданской войне в подаренное ему Меценатом имение, воспевал в стихах сельскую простоту жизни. „Сажать капусту” – франц. поговорка, означающая „вести сельскую жизнь”, – скупо прокомментировал это место Ю. М. Лотман¹⁵, в целом повторив точку зрения В. В. Набокова. «Гораций действительно занимался сельским хозяйством», констатирует писатель и отмечает случаи упоминания овощей в *Сатирах* и *Посланиях* славного римлянина. Затем комментатор переходит к вопросу о генезисе «похожего и, возможно, формирующего прототип французского выражения *planter (или cultiver) ses laitues (à Salone)*», которое «восходит к письму, написанному удалившимся на покой римским императором Диоклетианом из Салона (в Далмации) своему знакомому, Максимиану, в котором он оценивает удовольствие от собственноручного выращивания овощей выше, чем любые восторги политической власти»¹⁶.

На законный вопрос, каким образом связан Зарецкий с политикой (будь то участие в гражданской войне или управлении империей), комментаторы предпочли не отвечать. Набоков же при этом свысока посмеивается над гарвардским профессором Д. И. Чижевским, который, «в этом месте удивляется, почему Гораций занимался выращиванием капусты»¹⁷.

Недоумение Чижевского, однако, значительно более продуктивно, чем может показаться на поверхностный взгляд. Ситуация один в один повторяет описанную выше историю с «библейским» экспромтом: читатель чувствует, что должно быть смешно, но почему? Пушкин, конечно, шутит, и суть его зубоскальства, кажется, проясняется в свете наших рассуждений. Итак, Зарецкий:

Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей (6, VII).

Совершенно очевидно, что Пушкин в данном случае иронически актуализирует прямой смысл словосочетания «садить капусту», поскольку

¹⁵ Ю. М. Лотман, *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий*, Санкт Петербург: Искусство-СПБ 1995, с. 670.

¹⁶ В. В. Набоков, *Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина*, перевод с англ. / под ред. А. Н. Николюкина, Институт научн. информации по общественным наукам РАН, Москва: НПК «Интелвак» 1999, с. 570.

¹⁷ Там же.

выражение включено перечень повседневных **занятий** персонажа¹⁸. В качестве «Горация», Зарецкий годен разве что капусту садить, писать же стихи ему не по зубам!¹⁹ Нетрудно заметить тут смену оружия: вместо дубины «тяжелого пасквиля» Пушкин использует «тонкую, легкую и веселую» розгу **гораццианской** сатиры. И это понятно: с того момента, когда до Пушкина дошли слухи, распускаявшиеся Толстым, воды утекло немало, страсти поулеглись, Американцу, получившему публичную пощечину, публично ответить – крикнуть – не дали, Зарецкий же «угрюмой злости» явно не заслуживал...

References

- Fomichev, Sergey A. *Epigramma «Pevets David byl rostom mal...»: (Tekst, datirovka, satiricheskaya napravlennost)*. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii*, выпуск 26. S.-Peterburg: Nauka, 1995: 78–86.
- Gillelson, Maksim I. *O russkoy epigramme*. In: *Russkaya epigramma (XVIII – nachalo XX v.)*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1988.
- Kunarev, Andrey A. *Chestnyi demon aleuta*. In: *Um i dela tvoi bessmertny v pamyati russkoy...* Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 7–9 oktyabrya 2015 g. Khmelitskiy sbornik. Vypusk 17. Vyazma-Khmelita, 2016: 166–191.
- Lotman, Yuriy M. *Pushkin: Biografiya pisatelya; Stati i zametki, 1960–1990; «Yevgeniy Onegin»: Kommentariy*. S.-Peterburg: Isskusstvo-SPB, 1995.
- Nabokov, Vladimir V. *Kommentarii k «Yevgeniyu Oneginu» Aleksandra Pushkina*. Moskva: NPK «Intelvak», 1999.

---

¹⁸ Нечто подобное читатель встречал уже во II главе применительно к Прасковье Лариной, которая, кстати, тоже переселилась, так сказать, из упоения московского света в деревенскую глушь:

Она езжала по работам,
 Солила на зиму грибы,
 Вела расходы, брила лбы,
 Ходила в баню по субботам,
 Служанок била осердясь –
 Все это мужа не спросясь (2, XXXII).

¹⁹ Напомню, что тогу «бессмертного труса» Пушкин примерил на себя в черновиках XL строфы второй песни романа в стихах:

И этот юный стих небрежный
 Переживет мой век мятежный.
 Могу ль воскликнуть, о друзья:
Exegi monumentum я.

Последний стих затем был переведен (разумеется, с ироничной оглядкой на Державина): «Воздвигнул памятник и я».